

Восприятие событий 1917—1919 гг. в России канадской политической элитой

Сергей Викторович Бандилет,

аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток.
E-mail: khaliff93@mail.ru

В статье на основе архивных материалов парламентских дебатов, выложенных на официальном сайте парламента Канады, рассматривается проблема восприятия Октябрьской революции и Гражданской войны в России депутатами канадской палаты общин. Проводится сравнение реакции на события 1917—1919 гг. в России представителей правящей Юнионистской партии, которая резко отрицательно отзывалась о политике большевистского правительства — как внутренней (диктатура пролетариата, ограничение избирательных прав, отделение церкви от государства, репрессии), так и внешней (аннулирование международных обязательств, Брестский мир), и представителей оппозиционной Либеральной партии, которые симпатизировали некоторым аспектам социальной политики большевиков (в частности их планам по ликвидации неграмотности и построению общества социальной справедливости). Особое внимание уделяется расколу в канадском правительстве по вопросу целесообразности вооружённой интервенции в Россию, к которой правительство Р. Бордена присоединилось в сентябре 1918 г. Проанализированы позиции представителей консервативного крыла юнионистов, поддержавших интервенцию, и противников вмешательства в дела России, среди которых были как члены правящей партии, так и либералы. Рассматриваются социально-экономические факторы и внутривнутриполитические причины, вынудившие правительство Бордена пересмотреть своё отношение к РСФСР и вывести канадские войска из России, что стало прологом для признания Канадой советского правительства и установления с ним дипломатических отношений.

Ключевые слова: Канада, Октябрьская революция, Гражданская война, парламент.

The Perception of the Events of 1917—1919 in Russia by Canadian Political Elite.

Sergey Bandilet, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: khaliff93@mail.ru.

This paper is devoted to the perception of the October Revolution and the Russian Civil War by the members of the Canadian House of Commons. It is based on the materials of parliamentary debates which were posted on the official website

of the Parliament of Canada. The political reaction on the events of 1917—1919 in Russia is compared and analyzed. The members of different political parties treated Russian events differently. The Unionist party, which was a ruling political force, reacted to the Bolshevik Revolution very sharply. The Unionists did not support many aspects of the Bolshevik government's domestic policy (proletarian dictatorship, restriction of electoral rights, the separation of Church and State, repressions), as well as foreign policy (annulment of international commitments, the Peace Treaty of Brest-Litovsk). The attitude of the representatives of the Liberal Party, the main oppositional force, was more tolerant. The Liberals sympathized with certain aspects of the social policy of the Bolsheviks (the fight against illiteracy and creation of social justice in the society).

Special attention is paid to the split in the Canadian Parliament in 1918, when Canada and its leader R. Borden joined the intervention against the Bolsheviks. Some members of the conservative wing of the Unionist party supported the intervention, but other members of the ruling party and the Liberals opposed it. An emphasis is put on the social and economic factors as well as internal political reasons which forced the Borden's government to withdraw the troops from Russia and reconsider its attitude toward Russia. This was the beginning of the recognition of the Soviet Government by Canada and the establishment of diplomatic relations between the countries.

Keywords: Canada, October Revolution, Civil War in Russia, parliament.

Октябрьская революция, столетие которой в 2017 г. широко обсуждалось во всём мире, вызвала значительный резонанс во многих странах. Эксперимент большевиков по созданию общества, свободного от эксплуатации и основанного на справедливом распределении благ среди всех граждан, не мог оставить иностранных наблюдателей равнодушными. Интерес к российским событиям проявила и Канада, бывшая в то время доминионном Великобритании.

Октябрьская революция и последовавшая затем Гражданская война получили широкий отклик во всех слоях канадского общества, в том числе и среди политической элиты в лице членов палаты общин — нижней палаты парламента. Цель данной статьи — проанализировать восприятие событий 1917—1922 гг. в России членами палаты общин, а также сравнить реакции на эти события представителей проправительственных сил и оппозиции.

Реакция канадского общества (и канадского истеблишмента как его части) на события Октябрьской революции и Гражданской войны в России до сих пор не являлась предметом специального изучения ни в отечественном, ни в зарубежном канадоведении. За последнее время отношение Канады к революционным событиям в России рассматривалось российскими и зарубежными учёными только через призму участия канадского экспедиционного корпуса в иностранной интервенции на Дальнем Востоке. В России, в частности, об этом писал И.А. Соков (статьи «Участие Канады в иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке России в 1918—1919 гг.» и «Канадская интервенция 1918—1919 гг. в дальневосточном эпизоде

Гражданской войны в России: причины, цели, итоги») [4; 5]. Среди канадских историков данную тему поднимал Б. Иситт в своей монографии «Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция 1917—1919» [1]. Стоит упомянуть и американского историка Г. Смита — автора статьи, посвящённой участию Канады в интервенции в Россию [12].

С 1911 г. у власти в Канаде находилось консервативное правительство во главе с Р. Борденом. В декабре 1917 г. прошли очередные парламентские выборы, на которых консерваторы, объединившиеся с частью либералов в Юнионистскую партию, вновь одержали победу. Крупнейшей оппозиционной силой была Либеральная партия, возглавляемая У. Лорье: в неё входили представители разных этнических групп, но наибольшей популярностью она пользовалась среди квебекских франкоканадцев. В стране существовали и другие политические силы, но они не пользовались значительным влиянием и не были представлены в палате общин. Взгляды юнионистов и либералов относительно событий в России и необходимой реакции на них со стороны Канады были различными. Юнионисты, как правило, видели в большевиках угрозу мировому общественному порядку и выступали за бескомпромиссную борьбу с ними, оправдывая этим и участие канадских войск в интервенции в Россию. Либералы, критикуя большевиков за установление диктатуры и нарушения прав граждан, тем не менее признавали некоторые положительные стороны их программы и решительно выступали против интервенции, считая, что она не отвечает канадским интересам. Подробнее отношение этих политических сил к российским событиям будет рассмотрено ниже.

Во время Октябрьской революции парламент Канады не работал. Он был распущен на каникулы в сентябре 1917 г. и вновь созван лишь в марте 1918 г. Уже на первом заседании палаты общин нового созыва премьер Р. Борден выступил с примечательной речью о русской революции. В качестве одной из основных причин октябрьских событий он назвал рабский менталитет русского народа, вызванный многолетним пребыванием последнего в крепостной зависимости. Русские, по словам премьера, абсолютно не приучены к свободе: обретя после Февральской революции свободу от царского режима, они просто не знают, как ей распорядиться. В своей речи Борден сравнил Россию с колоссом, долгое время скованным по рукам и ногам: ему удалось сбросить с себя оковы, но его конечности затекли, и он ещё не может контролировать свои движения. За долгие годы рабства в нём накопилось много злости, и теперь он выплёскивает её, круша всё на своём пути. Тем, кто попытается ему помочь (имеются в виду страны Запада), стоит быть осторожными: разъярённый колосс может атаковать и их. Тем не менее премьер выразил надежду на то, что рано или поздно в России установится прочная власть, и она станет по-настоящему свободной страной [6, р. 34].

Брестский мир, роспуск Учредительного собрания и установление в России диктатуры пролетариата привели к ужесточению позиции юнионистов по отношению к большевикам. Этому способствовало также мнение британского правительства, которое после Брестского мира рассматривало

большевиков как германских агентов: Канада, будучи доминионом Великобритании, в международных делах обычно ориентировалась на неё [3, с. 171]. В конце 1918 г. член правительства и председатель Тайного совета Н. Рауэлл назвал большевизм «самой серьёзной угрозой международному миру и цивилизации» [2, с. 96—97]. Выступая в палате общин, он резко критиковал большевиков за роспуск Учредительного собрания: этим, по его мнению, они фактически заменили диктатуру царя собственной. В подтверждение последнему он цитирует статьи Конституции РСФСР 1918 г., где говорится об установлении диктатуры пролетариата и лишении избирательных прав лиц, живущих на нетрудовые доходы. Рауэлл отметил, что таким образом большевики попирают фундаментальный принцип демократии, согласно которому каждый гражданин страны, вне зависимости от классовой принадлежности, должен иметь право голоса. Далее он подверг критике конфискацию имущества зажиточных граждан. По его словам, большевики «лишили людей права на собственный дом — одного из фундаментальных прав в англосаксонском мире». Осудил он и аннулирование международных обязательств царской России — в частности, отказ выплачивать царские займы и прекращение войны с Германией. Последнее политик считал предательством по отношению к Антанте [8, р. 368—369]. Наконец, он раскритиковал большевиков за предоставленное Советам право решать вопросы семьи и брака, ранее принадлежавшее церкви, а также за то, что они «национализировали» женщин. На самом деле с 1918 г. вопросы семьи и брака решались отделами ЗАГС, не входящими в структуру Советов. Не проводилась большевиками и «национализация» женщин. Соответствующий «декрет» советской власти, широко известный на Западе, был фальшивкой. Но в Канаде 1917—1919 гг. обвинение в нарушении прав женщин имело особое значение, поскольку на этот период пришёлся пик борьбы канадков за свои права. Юнионисты поддержали эту борьбу: на выборах 1917 г. избирательное право было предоставлено жёнам солдат, воевавших в Европе, а чуть позже его дали и остальным канадкам [5, с. 5].

У. Кокшатт, юнионист из Онтарио, проводил прямую параллель между самодержавием (Николая II он называет «самым варварским тираном из всех когда-либо сидевших на троне») и диктатурой большевиков. Оба режима, по его мнению, — это тирании, подавляющие права и свободы русского народа. Большевизм он считал «полным отрицанием любых законов — божественных и человеческих» [8, р. 127—128]. В своих речах он критиковал пытки и внесудебные расправы в Советской России, проводя параллель с «самыми тёмными страницами индийской и китайской истории» [9, р. 3351—3352]. С Кокшаттом был солидарен Д. Редмен, юнионист из провинции Альберта, назвавший большевизм «угрозой цивилизации, сравнимой с германской угрозой в годы мировой войны» [7, р. 16].

Позиция Либеральной партии по отношению к советской власти отличалась большей терпимостью. Примечательно, что единственным членом палаты общин, открыто выразившим симпатию большевикам, был квебекский либерал Э. Макмастер. В своей речи от 25 февраля 1919 г. он заявил, что поддерживает большевиков, так как видит их целью построение

социалистического общества, где доходы от промышленности и сельского хозяйства будут справедливо распределены между людьми. Он положительно отозвался об их планах по ликвидации неграмотности и о деятельности советских кооперативов, а также похвалил начатую антиалкогольную кампанию. Тем не менее Макмастер не идеализировал большевиков и признал, что их режим имеет и негативные стороны — в частности, ограничения избирательного права и свободы слова. В финале своего выступления он сделал прогноз будущего России, предположив, что большевики смогут удержаться у власти как минимум следующие несколько лет, и надежды на их скорое падение бесплодны [8, р. 34].

Тем временем ещё в начале 1918 г. британское правительство приняло решение о начале вооружённой интервенции в Россию. В сентябре 1918 г. к ней присоединилось и правительство Бордена. Тогда же канадские войска высадились в Архангельске, а месяц спустя — во Владивостоке, где разместились штаб Канадского сибирского экспедиционного корпуса и его основные силы [2, с. 94—95; 4, с. 139]. Уже с первых дней интервенции в канадском правительстве произошёл раскол по вопросу её целесообразности [3, с. 171]. Сторонниками вмешательства в дела России были представители консервативного крыла юнионистов, в частности — министр обороны С. Мьюберн и председатель Тайного совета Н. Рауэлл. Их позиция состояла в том, что участие в интервенции — долг Канады по отношению к союзникам по Антанте [8, р. 1062—1067]. На заседании палаты общин 10 марта 1919 г. Мьюберном были озвучены следующие цели, стоящие перед канадцами в России: 1) освободить русских от немецкого ига; 2) не допустить эксплуатации Германией природных ресурсов России; 3) не допустить переброски немецких войск с Восточного фронта на Западный; 4) восстановить боеспособность Восточного фронта и как можно быстрее закончить войну; 5) не допустить прорыва немецких войск в Сибирь; 6) помочь восставшему Чехословацкому корпусу [7, р. 320—321; 3, с. 171]. К группе Мьюберна и Рауэлла примыкал и колеблющийся Борден. В целом он поддерживал отправку канадских войск в Россию, считая, что участие в интервенции даст Канаде право на большую самостоятельность в составе Британской империи. Но, учитывая противоречивое отношение общества (в особенности франкоканадцев) к участию армии в зарубежных конфликтах, Борден считал, что с отправкой войск лучше повременить. Тем не менее Канадский экспедиционный корпус был всё же отправлен в Россию: в дальнейшем Борден несколько раз пытался отозвать его, но под давлением британского военного министерства отказывался от этих намерений [2, с. 101].

Противники интервенции в правительстве во главе с министром сельского хозяйства Т. Крераром опасались, что она подорвёт экономику Канады и увеличит её зависимость от Великобритании. Кроме того, они считали, что данный шаг абсолютно не соответствует национальным интересам Канады и стране не стоит вмешиваться во внутренние дела России. Наконец, противники интервенции указывали на её непопулярность среди простых канадцев. Так, в ноябре 1918 г. министр финансов Т. Уайт телеграфировал Бордену о множестве протестов, полученных правительством от

граждан, чьи родственники отправлялись в Россию. Их число было столь велико, что министр обороны С. Мьюберн даже был вынужден задержать корабль с войсками, отплывающий из г. Виктория во Владивосток — но по приказу Бордена судно всё же было отправлено [2, с. 100]. Существовало также опасение, что если Канада окажется втянутой в российскую Гражданскую войну, то нехватка добровольцев (канадская армия комплектовалась из их числа) вынудит правительство ввести воинский призыв, который неизбежно приведёт к массовым протестам — аналогичным тем, что произошли в 1917 г. в Квебеке, когда призыв был введён в связи с Первой мировой войной [2, с. 98].

Либералы последовательно выступали против интервенции, считая внутрироссийский конфликт чуждым канадским интересам. Вышеназванный Э. Макмастер заявлял, что ввод иностранных войск лишь поможет сплотить русских вокруг большевиков, приводя аналогию из истории Французской революции. По его мнению, интервенция иностранных держав в революционную Францию привела к тому, что французский народ сплотился вокруг революционеров и, дав отпор захватчикам на своей территории, перенёс боевые действия на их земли. Политик опасался, что в результате вооружённого вмешательства стран Антанты русские начнут воспринимать их как захватчиков, а большевиков — как силу, способную им противостоять [8, р. 35—36]. С Макмастером был солидарен и квебекский либерал Э. Делорье, прямо назвавший интервенцию «преступлением» и заявивший, что канадцы «не имеют никакого права вмешиваться во внутренние усилия страны, направленные к достижению свободы» [8, р. 353—357; 9, р. 105].

В ноябре 1918 г. закончилась Первая мировая война. Потерпевшая поражение Германия начала эвакуацию своих войск из России. В этих условиях прежняя аргументация сторонников интервенции о том, что данный шаг — лишь помощь России в борьбе против Германии, потеряла силу. Р. Борден, по-прежнему не одобрявший участия канадских войск в интервенции, попытался приблизить окончание российской Гражданской войны, выступив в роли арбитра между большевиками и белыми. 30 декабря 1918 г. на заседании Имперского военного кабинета он, как представитель Канады, предложил организовать мирную конференцию на Принцевых островах, пригласив на неё делегатов от всех воюющих в России сторон. Первоначально план Бордена не был поддержан другими членами кабинета, но вскоре британский премьер Д. Ллойд Джордж одобрил его и приступил к подготовке этой встречи. Однако конференция так и не состоялась, поскольку белые, уверенные в своей победе над большевиками, отказались в ней участвовать [5, с. 15]. Тем не менее и после провала проекта конференции Борден продолжал выступать за то, что с Советской Россией необходимо вести переговоры (при необходимости оказывая на неё экономическое давление), а не воевать. Он также неоднократно отказывал Ллойд Джорджу в просьбах об увеличении численности канадского контингента в России, справедливо ссылаясь на отсутствие поддержки в обществе [2, с. 103].

Канадское общественное мнение действительно было настроено резко против интервенции: большинство канадцев (особенно франкоязычных)

считало её чуждой интересам страны. В начале 1919 г. в Канаде началось массовое движение солидарности с революционной Россией. По всей стране проходили митинги и собрания в поддержку русской революции, организованные профсоюзными и социалистическими активистами. Ряд крупнейших канадских профсоюзов приняли резолюции в поддержку Советской России. Велась активная пропаганда среди населения, в том числе и среди военнослужащих, отправляемых в Россию. В рядах солдат экспедиционного корпуса началось брожение: подавляющее их большинство не хотело участвовать в интервенции, и, по свидетельству канадского историка Дж. Иэйрса, некоторых из них переправляли на борт кораблей под угрозой штыков [2, с. 104—105]. В этих условиях Борден был вынужден пойти на уступки общественному мнению, и 13 февраля 1919 г. он известил Ллойд Джорджа о начале вывода канадских войск из России [12, р. 875]. 5 июня 1919 г. последний канадский солдат покинул Владивосток, а 11 июня канадцы эвакуировались и из Архангельска [2, с. 107].

Тем временем 1 мая 1919 г. в г. Виннипеге началась всеобщая забастовка, ставшая одной из крупнейших в истории страны — в ней участвовало около 25 тыс. человек. Организаторы открыто выражали симпатии большевикам, приняв резолюцию в поддержку Советской России: по словам депутата-юниониста М. Блейка, они даже провозгласили в Виннипеге власть Советов [10, р. 3063—3064]. Забастовка длилась почти два месяца — лишь 21 июня она была подавлена властями с помощью конной полиции. Выступая в палате общин, Р. Борден заявил, что правительство было вынуждено вмешаться в ход забастовки, ибо среди лидеров бастующих были агенты большевиков [10, р. 2851—2852]. Большинство депутатов-юнионистов поддержало точку зрения правительства: так, вышеупомянутый М. Блейк назвал забастовку «упрощённой и уродливой революцией, организованной большевиками с целью свержения правительства» [10, р. 3063—3064]. Либералы, напротив, отказались поддержать кабинет Бордена, опасаясь, что силовое подавление забастовки может стать прологом для установления авторитарной диктатуры [10, р. 3017—3018]. Представитель Виннипега либерал Д. Эндрюс говорил, что стремление его земляков отстоять своё право на достойный уровень жизни не делает их большевиками [10, р. 3019—3020]. С ним был солидарен его квебекский однопартиец Э. Лапуант, прямо назвавший обвинения в сопричастности к этой забастовке большевиков «дикими и тупыми» [10, р. 3014].

К 1919 г. стало ясно, что надежды на скорое падение большевистского режима не оправдались. Успешно отразив атаки белых под Петроградом, на юге России и в Сибири, Красная армия перешла в наступление по всем фронтам. Одновременно руководство РКП(б) усилило идеологическую работу за рубежом: в том же году был создан Коммунистический интернационал — объединение коммунистических партий во главе с РКП(б), прямо поставившее своей задачей организацию мировой революции. В этих условиях канадский истеблишмент начал всерьёз опасаться того, что революция, аналогичная российской, может произойти и в Канаде. В выступлениях членов палаты общин усилились тревожные ноты: многие из них

говорили об активизации большевистской пропаганды в Канаде и о том, что для борьбы с влиянием большевиков правительству следует принять меры. Примечательно, что у юнионистов и либералов был разный подход к решению этой проблемы. Юнионисты требовали ужесточения иммиграционного законодательства (особенно в отношении выходцев из стран бывшего Четверного союза и бывшей Российской империи), предполагая, что это затруднит проникновение в Канаду большевистских агентов и провоз ими нелегальной литературы. Они также выступали за сохранение введённого во время Первой мировой войны чрезвычайного порядка управления страной, когда правительство могло принимать решения в обход парламента, с помощью так называемых «приказов в совете» [7, p. 100, 434—435]. Члены Либеральной партии считали, что для борьбы с большевиками правительству ни в коем случае не стоит «закручивать гайки», ибо это приведёт к росту числа недовольных и, как следствие, к росту потенциальных сторонников большевиков. Альтернативой ужесточению режима либералы видели его демократизацию — отмену управления страной через «приказы в совете», расширение полномочий парламента и личных свобод граждан [7, p. 111]. Также они обращали внимание на существенную разницу между канадскими социалистами и российскими большевиками. Первые, по мнению либералов, не имеют ничего общего со вторыми, ибо ими движет не идея мировой революции, а желание бороться с чисто канадскими проблемами, такими как диктатура правительства (управление страной через «приказы в совете») и несоблюдение прав рабочих [7, p. 572—573].

Провал интервенции и укрепление позиций большевиков вынудили правительство Бордена пересмотреть своё отношение к РСФСР. К началу переговоров с Советской Россией Канаду подтолкнули и экономические причины: русский рынок сбыта представлялся канадским предпринимателям очень перспективным. В июне 1919 г. прошли переговоры представителя РСФСР в США Л. Мартенса с министром торговли Канады Д. Фостером, в ходе которых было заключено соглашение на поставку в РСФСР сельскохозяйственного и железнодорожного оборудования [2, с. 107—108]. Во время обсуждения этого соглашения в палате общин Фостер сказал, что не видит никаких преград для возобновления российско-канадской торговли, и канадское правительство будет всячески ей способствовать. Другие депутаты также одобрили сделку, приняв во внимание аналогичное соглашение, заключённое советским представителем Л. Красиным с британским правительством [11, p. 4322—4323]. Успех этих переговоров стал прологом к признанию Канадой Советской России де-факто, произошедшему в 1922 г., когда условия российско-британского соглашения были распространены и на Канаду.

Как видно из вышеизложенного, Октябрьская революция и Гражданская война в России нашли достаточно широкий отклик в Канаде. Оценки этих событий двумя основными политическими силами страны — Юнионистской и Либеральной партиями — были различны, хотя и первая, и вторая сходились в том, что российский коммунистический эксперимент неприемлем для Канады. Несовпадения взглядов были связаны с тем, что эти

партии представляли различные политические и социальные силы. Юнионисты, защищавшие в основном интересы англоканадцев, были сторонниками, с одной стороны, тесного союза Канады с Великобританией, а с другой — большей автономии Канады в составе Британской империи. Считая большевиков угрозой мировой цивилизации, они выступали за бескомпромиссную борьбу с ними. При этом часть юнионистов (в основном выходцы из Консервативной партии) поддерживала участие Канады в вооружённой интервенции, считая, что это даст стране право на большую самостоятельность. Другая часть юнионистов (в основном выходцы из Либеральной партии) была против интервенции, полагая, что она не отвечает канадским интересам и может привести к росту зависимости страны от Великобритании. Либеральная партия после 1917 г., когда часть её членов перешла к юнионистам, представляла в основном франкоязычных граждан, не желавших, чтобы канадские солдаты защищали за рубежом интересы Великобритании, чуждые франкоканадцам. Либералы решительно выступали против интервенции, считая её недопустимым для Канады вмешательством в дела иностранного государства. Они также занимали более умеренную позицию по отношению к большевикам: осуждая установленную последними диктатуру, либералы признавали отдельные плюсы их режима — в частности, декларируемое большевиками намерение построить общество социальной справедливости. Таким образом, среди членов канадской палаты общин были представлены разные взгляды на российскую проблему. И несомненным благом для нашей страны оказалось то, что в итоге одержала верх точка зрения либералов и либеральных юнионистов — сторонников невмешательства Канады в российские дела. Под их давлением, а также под давлением общественного мнения премьер Р. Борден был вынужден вывести канадские войска из России, что стало прологом для установления между Советским государством и Канадой полноценных дипломатических и торговых отношений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Иситт Б. Из Виктории во Владивосток: Канадская Сибирская экспедиция 1917—1919 / пер. с англ. С. Панич. Владивосток: Дальнаука, 2013. 392 с.
2. Канада. 1918—1945: исторический очерк / отв. ред. Л.В. Поздеева. М.: Наука, 1976. 504 с.
3. Лузянин Г.И. Российско-канадские отношения в консульский период 1900—1922 годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35. С. 166—179.
4. Соков И.А. Канадская интервенция 1918—1919 гг. в дальневосточном эпизоде Гражданской войны в России: причины, цели, итоги // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 2. С. 136—147.
5. Соков И.А. Участие Канады в иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке России в 1918—1919 гг. // Истории из неоконченной холодной войны. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 3—21.
6. Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. First session — Thirteenth Parliament. Vol. I. Ottawa: J. de Labroquerie Taché, 1918. 1192 p.
7. Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. First session — Thirteenth Parliament. Vol. II. Ottawa: J. de Labroquerie Taché, 1918. 1368 p.

8. Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. Second session — Thirteenth Parliament. Vol. I. Ottawa: J. de Labroquerie Taché, 1919. 1028 p.
9. Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. Second session — Thirteenth Parliament. Vol. II. Ottawa: J. de Labroquerie Taché, 1919. 1068 p.
10. Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. Second session — Thirteenth Parliament. Vol. III. Ottawa: J. de Labroquerie Taché, 1919. 1096 p.
11. Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. Fourth session — Thirteenth Parliament. Vol. IV. Ottawa: J. de Labroquerie Taché, 1920. 804 p.
12. Smith G. Canada and the Siberian Intervention, 1918—1919 // *The American Historical Review*. 1959. Vol. 64. No. 4. P. 866—877.

REFERENCES

1. Isitt B. *Iz Viktorii vo Vladivostok: Kanadskaya Sibirskaya ekspeditsia 1917—1919* [From Victoria to Vladivostok: Canada's Siberian Expedition, 1917—1919]. Translated by S. Panich. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2013, 392 p. (In Russ.)
2. *Kanada. 1918—1945: istoricheskij ocherk* [Canada 1918—1945: A Historical Review]. Editor-in-chief L.V. Pozdeeva. Moscow, Nauka Publ., 1976, 504 p. (In Russ.)
3. Luzyanin G.I. Rossijsko-kanadskie otnosheniya v konsul'skij period 1900—1922 godov [Relations Between Russia and Canada in the Consulate Period, 1900—1922]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 35, pp. 166—179. (In Russ.)
4. Sokov I.A. Kanadskaya intervenciya 1918—1919 gg. v dal'nevostochnom epizode Grazhdanskoj vojny v Rossii: prichiny, tseli, itogi [The Canadian Intervention of 1918—1919 in the Far Eastern Episode of the Civil War in Russia: Causes, Purposes and Results]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2014, no. 2, pp. 136—147. (In Russ.)
5. Sokov I.A. Uchastie Kanady v inostrannoj voennoj intervencii na Dal'nem Vostoke Rossii v 1918—1919 gg. [Canada's Participation in Foreign Military Intervention in the Russian Far East in 1918—1919]. *Istorii iz neokonchennoj holodnoj vojny* [Stories from the Unfinished Cold War]. Moscow, Berlin, Direct-media Publ., 2016, pp. 3—21. (In Russ.)
6. *Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. First session — Thirteenth Parliament*. Vol. I. Ottawa, J. de Labroquerie Taché, 1918, 1192 p. (In Eng.)
7. *Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. First session — Thirteenth Parliament*. Vol. II. Ottawa, J. de Labroquerie Taché, 1918, 1368 p. (In Eng.)
8. *Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. Second session — Thirteenth Parliament*. Vol. I. Ottawa, J. de Labroquerie Taché, 1919, 1028 p. (In Eng.)
9. *Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. Second session — Thirteenth Parliament*. Vol. II. Ottawa, J. de Labroquerie Taché, 1919, 1068 p. (In Eng.)
10. *Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. Second session — Thirteenth Parliament*. Vol. III. Ottawa, J. de Labroquerie Taché, 1919, 1096 p. (In Eng.)
11. *Official Report of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. Fourth session — Thirteenth Parliament*. Vol. IV. Ottawa, J. de Labroquerie Taché, 1920, 804 p. (In Eng.)
12. Smith G. Canada and the Siberian Intervention, 1918—1919. *The American Historical Review*, 1959, vol. 64, no. 4, pp. 866—877. (In Eng.)